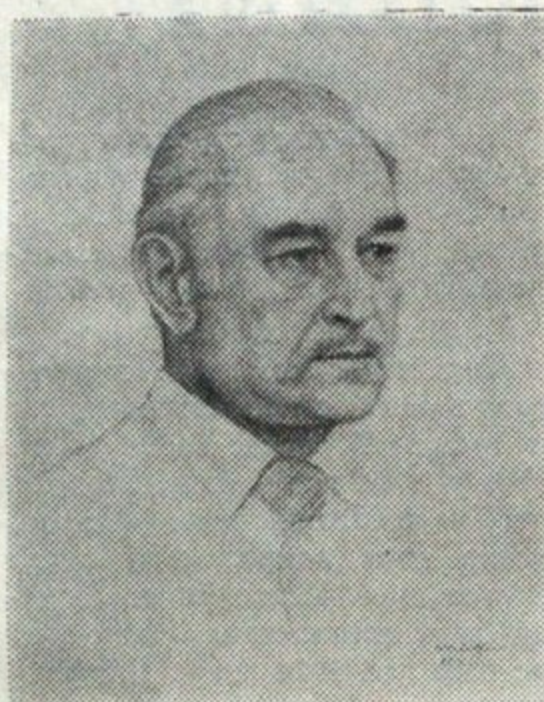

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Русский американец: портретист М. А. Вербов

М. А. ВЕРБОВ

Автопортрет

БЫЛА у А. А. Евреиновой. Она мне говорит: — у меня будет сегодня художник Вербов из Нью-Йорка проездом в Рим, где он получил звание академика. Вам наверное захочется побеседовать с ним.

— Для меня лично, — продолжает Анна Александровна, — Вербов главным образом интересен тем, что он знал моего мужа еще в 1915 году. В этот год войны Евреинов жил в Финляндии — Куоккала — на даче отца художника Анненкова. Репин писал большой портрет мужа маслом, а юный Вербов, талантливый ученик Репина, зарисовал молодого Евреинова. И этот эскиз у меня сохранился.

Звонок. Входит Михаил Александрович Вербов, живой, моло-

жавый, избалованный успехом. Знакомимся и приступаем почти немедленно к интервью. Он как бы продолжает мой разговор с хозяйкой дома:

— В книге Евреинова «Оригинал о портретах» есть этот эскиз (1916).

Он подарил мне эту книгу с надписью: «М. А. Вербову, свидетель начал его славы».

Я встречал его очень часто у Репина, к которому 5 января 1914 г. меня, еще гимназиста, вместе с моими рисунками привез Чуковский.

У меня всегда было тяготение к Евреинову, как художнику театра. Его декоративные фигуры, как и острота его ума, меня восхищали. И я был счастлив, когда смог его зарисовать — и был очень польщен, что он согласился позировать такому молодому художнику.

После революции я с Евреиновым встретился в Париже, но, к сожалению, другого портрета не написал. У меня о нем сохранилось навсегда самое теплое воспоминание. Чем больше я его знал, тем больше я ценил его художественный и духовный облик. Он навсегда остался для меня одной из самых видных фигур русского и международного театра.

— Теперь я еду в Голландию, — продолжает художник, — перед тем как ехать в Рим, опять «почувствовать» Франса Гальса в музее в Гаарлеме. Я это делал уже несколько раз. Я считаю,

что каждый художник должен время от времени проходить новый курс учения, чтобы его голова не была в облаках, и поэтому я с альбомом для зарисовок и с записной книжкой для анализа картин ездю из одного

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

Эскиз М. Вербова. 1915 г.

музея в другой, изучая старых мастеров, из которых Франс Гальс и, особенно, Веласкес и Гойя — мои боги.

**

Но вот мне что-то вспомнилось, и я перехожу на совсем другую тему.

— Как Вы писали Бунина и где?

— Бунин я писал в Париже, в 1951. Я пришел к нему с визитом и в разговоре сказал, что нельзя, чтобы он ушел из мира без портрета, хотя бы потому, что он русский нобелевский лауреат.

Я знал, что он никогда не позировал. И я сказал, что не важно, кто напишет этот портрет, а важно, чтобы он был написан.

Бунин заметил: — Теперь никто не умеет писать портретов. И с язвительной улыбкой, показав на фотографию с портрета Алданова, добавил:

— Вот если бы я нашел этого художника, я бы ему позировал. Тогда я ему говорю: — когда же мы начнем, Иван Александрович?

— Но это же не Ваша работа!

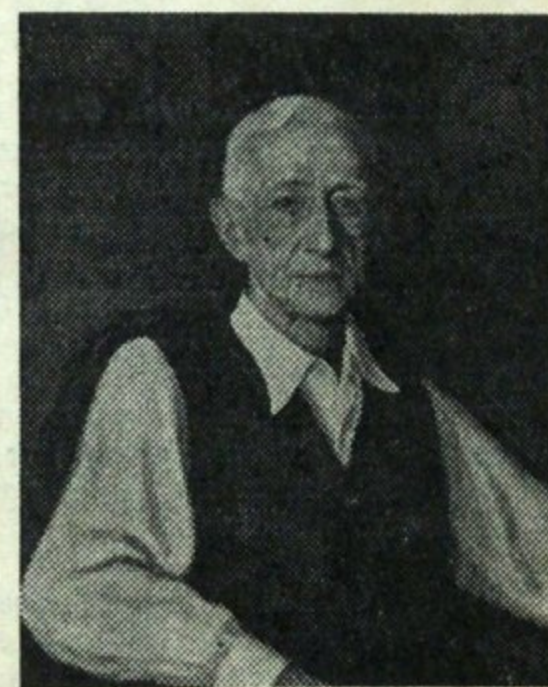
— Если бы Вы потрудились взглянуть на подпись, Вы бы увидели, что моя.

К счастью он не отказался от своих слов, и я сначала сделал набросок, который он надписал, и на следующий день мы начали портрет маслом. Так как я знал, что он большой гурман, я приходил на сеанс с икрой, семгой и водкой.

У меня было всего шесть дней до отъезда в Нью-Йорк, я должен был работать с большим напряжением, и к сожалению не смог записать того, о чем он говорил, а говорил он без умолку... и всем, попало: Толстому, Горькому и многим другим. Единственный, к кому он отнесся благосклонно, был Чехов.

Между прочим, он мне не позволил написать свою руку на портрете. У меня есть фотография, на которой изображены он, портрет и я. Он взял ножик и срезал руку с этого портрета...

Михаил Александрович показал мне альбом с воспроизведением, в красках, им написанных портретов, а также отчетов об его выставках. Среди позировавших ему лиц назову два портрета Патриарха Афинагора, портрет шведской королевы и Густа-

И. А. БУНИН

Портрет М. Вербова. 1951 г.

ва V, испанского короля Альфонса Тринадцатого, президента «Метрополитэн Музеум» в Нью-Йорке Осборна, французских писателей Андре Моруа, Тристана Бернара и Куртелина, герцога Альба (портрет его находится

в Музее Прадо в Мадриде), магарджи Патиала, Поля Бонкура...

**

— Расскажите мне еще о себе, Михаил Александрович, не в прошлом, а в настоящем.

— С удовольствием, но начать-то я должен все-таки опять с прошлого.

Я учился в Академии Художеств и в Санкт-Петербургском Университете, на юридическом факультете, потому что отец на этом настаивал, говоря, что лучше оставить память о плохом адвокате, чем о плохом художнике, (на тот случай, если бы я не преуспел в своей «затее»).

В Академии я был в классе проф. Кардовского. Кроме того брал частные уроки у Репина и прожил целое лето у него в Куоккала. Я также учился пению у знаменитого Тито Руффо, во Флоренции, и впоследствии и выступал на многих концертах в Нью-Йорке.

В России была моя первая выставка. В журнале «Солнце России» был напечатан 3 декабря 1916, по этому поводу, мой рисунок: лоцман с волжского парохода, который Репин у меня попросил, как тип одного из

бурлаков, которых он тогда писал заново. Илья Ефимович мне дал взамен один из своих карандашных набросков.

С 1924-го года до конца 1932 я жил в Париже. А с января 1933 переселился в Америку, где продолжаю работать.

Я — вице-президент Лиги профессиональных художников Америки и директор Совета художественных организаций, а также делегат Федерации Искусств штата Нью-Йорк. В феврале текущего года я был избран в члены Академии Искусств и Наук в Риме.

— А теперь? Проекты?..

— Мой большой теперешний проект, к предстоящему двухсотлетию Америки в 1976 году, — 56 портретных рисунков, в красках тех, кто подписал декларацию независимости Америки. Я должен закончить эту работу не позднее осени 1975.

**

Перечитав мое интервью, я глубоко вздохнула: неисповедимы пути русского искусства — от ателье Репина в Куоккала, через Петроград, Париж, Нью-Йорк — до Римской Академии.

Нора Лидарцева

АНДРЕЙ КЛЕНОВ

Соловьи перекликаются